
О. Ю. МИХАЙЛОВА

КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ

В статье представлены разные подходы к концептуализации идентичности, поскольку они оказываются маркером определенных мыслительных установок. Заказ на исследование (в методологии науки) национальной и страновой идентичности был сформирован в рамках институций модерна. Постмодернизм предложил множество подходов для осмысления феномена идентичности, которая мыслилась уже как фрагментарная идентичность. Проблема идентификации остается на острие внимания исследователей и в нарождающемся мире сетевых структур.

Ключевые слова: *идентичность, мыслительные установки, институции модерна, наука, подходы постмодернизма, логика потоков, сетевые структуры, конструктивизм.*

Трактовка идентичности как маркер мыслительных установок

На постсоветском пространстве понятие идентичности вошло в научный оборот и стало довольно популярным начиная с 90-х гг. XX в. Причем с самого начала специфической особенностью исследований идентичности было углубленное внимание ко всему, что касалось национальной идентичности.

В первую очередь это коснулось таких стран, как Украина, где долгое время официальный интернационализм СССР блокировал (или существенно ограничивал) проявления национального самосознания и саморефлексии. Обретение независимости в 1991 г. и всплеск внимания к теме национальной идентичности взаимно обусловили друг друга: национальное самоопределение стало главным аргументом независимости, а та, в свою очередь, обеспе-

чила условия для становления национального проекта, для решения задач построения политической нации.

В то же время страны Западной Европы успешно решали эти задачи на протяжении XIX и XX столетий, и результирующей стал классический проект модерна, когда, по выражению Э. Гобсбаума, «государство, нация и общество сошлись в одной точке» (Гобсбаум 2010: 305). Распад империй и колониальных систем способствовал включению в эти процессы все новых и новых стран на протяжении второй половины XX в. Так проект модерна, ширясь по миру, накрывал волнами постколониальный мир, где открывшаяся возможность построения государств-наций и гражданского общества осмыслялась как настоящая необходимость, а также как залог быстрых и позитивных перемен.

В то же время в своем эпицентре, в сердце западного мира, проект модерна давно утратил роль определяющего тренда общественных преобразований. С конца 60-х гг. XX в. в теоретической плоскости стали доминировать концептуальные приоритеты постмодерна. На этот раз не Европа, а США стали эпицентром распространения нового тренда. Во всяком случае, с 90-х гг. XX в. постмодернистский дискурс заявил себя в Украине на уровне научных подходов и соответствующей лексики. Однако не столько профессиональные среды, сколько каналы массовых коммуникаций стали главными проводниками постмодернистского дискурса. Благодаря стремительному развитию информационных технологий было обеспечено внедрение в массовое сознание мыслительных установок постмодернизма. И процесс внедрения этих установок сегодня далек от завершения, если говорить о всемирном масштабе.

Таким образом, мы столкнулись с установками постмодерна, до конца не воплотив еще установки модерна: одна волна еще не схлынула, а уже пришла другая.

Дискурсы модерна и постмодерна представлены в научной среде Украины и тесно переплетены между собой. При анализе «портфеля» того или иного видного современного ученого почти наверняка обнаружится оригинальный, каждый раз своеобразный

методологический сплав, в котором произвольно будут соединены элементы научного и идеологического инструментария модерна, а также подходы постмодерна. Это лишний раз напоминает об условности самого этого деления – и вместе с тем о его осмысленности и эвристичности.

Модернистский дискурс поддерживается всей системой организации научной жизни. С другой стороны, коммуникация, особенно международная, вместе со специфической лексикой и инструментарием разнообразных подходов, внедряет постмодернистский дискурс в книги даже тех гуманитариев, которые привержены традиционной методологии и соответствующей идеологии.

Образцом может служить недавно вышедшая книга авторитетнейшего историка Украины профессора Н. Яковенко «Зеркала идентичности» («Дзеркала ідентичності»). На презентации книги, состоявшейся в феврале 2013 г., автор дистанцировалась от подходов постмодерна, отметив, что профессия историка и сама история (как наука и дисциплина) вне контекста модернистского проекта проблематизируются. Однако простор для других интерпретаций труда Яковенко (озвученных из аудитории) имел под собой основания – в текстоцентричности ее исследования, в пристрастии фрагментарной и нестойкой идентичности, и даже в зафиксированном ею сходстве процессов идентификации в Украине XVII–XVIII вв. и начала XXI в.

Главное – сам выбор темы, угол зрения: он не иначе как симптоматичен. На наш взгляд (и эта статья будет попыткой обоснования такого взгляда), проблема идентичности – ключевая исследовательская проблема современной гуманитаристики, поскольку она органична и актуальна для гуманитаристики модерна, так же как и в контексте подходов постмодернизма, для различных направлений и школ, в том числе лишь формирующихся и перспективных. Причем способ ее постановки и рассмотрения даже может служить маркером определенных мыслительных установок, свойственных тому или иному дискурсу.

Фокусируясь на идентичности из институций модерна

Становление корпуса гуманитарных дисциплин совпадает с эпохой становления национальных государств (в отличие, скажем, от философии, которая появилась и оформилась значительно раньше). Среди всего корпуса гуманитарных дисциплин особая роль отводится истории как науке, которая легитимизирует проекты государств-наций через историю: «новый мировой порядок современности с его нейтрализованным историческим временем является “хронотекстом”, в котором рассказывается про истоки этноса, а роль повествующего берет на себя государство» (Фезерстоун, Леш 2008: 25).

Работа историков – в полной мере государственническая (особенно это касается исследований идентичности или памяти). Анализируя «парадокс идентичности», Н. Луман фиксирует этап, когда самоопределение происходит внутри истории: это классический модерн. Здесь присутствует опора на параметры времени – прошлое/будущее, истории/история. При этом Луман избегает говорить о роли истории сегодня, отмечая, что на место вечности (или растяжки между прошлым и будущим) посягает современность (Луман 2009: 218–221).

А вот польско-американская исследовательница Э. Доманська считает, что «история будет полезной так долго, как долго мы будем верить, что она определенным способом формирует, гарантирует и легитимирует нашу – расовую, этническую, гендерную, классовую, национальную, государственную, континентальную или даже планетарную – идентичность. Вера в историю – это вера в субъект и его стабильную идентичность» (Доманська 2012: 74).

Сам терминологический инструментарий такого понимания идентичности отсылает к кантианской концепции объекта и субъекта, которая, с одной стороны, положила философские основания европейского проекта науки, с другой стороны, знаменовала рационализацию идеологии гуманизма и переход ее в новое качество институционализированных знаниевых практик.

Заинтересованность в этом национальных государств была причиной того, что достаточно долгое время гуманитарные научные школы различных европейских стран говорили на разных язы-

ках во всех смыслах этого слова. В разных научных школах Европы даже лексика несла различную семантическую нагрузку, хотя порой основывалась на общих латинских корнях (что особенно ярко проявилось в разной трактовке понятия «цивилизация» франко-саксонским научным миром, с одной стороны, и славяно-германским – с другой). М. Эмар, директор парижского «Дома наук о человеке», даже выражал удивление по поводу того, что «отождествление с судьбой той или иной страны или культуры смогло быть согласованным с соблюдением общепринятых научных правил и расширением базы приобретенных знаний» (Эмар 1995: 76).

Поскольку задачи модерна в рамках постсоветских (то есть недавно образованных) национальных государств еще предстоит в полной мере реализовывать, гуманитарные науки нужны государству для реализации его собственных интересов и программ развития. Гуманитарии, во всяком случае, украинские, прекрасно отдают себе отчет в том, что остаются «государевыми людьми», поскольку состоят на содержании и службе у государства. Это, в частности, продемонстрировала подиумная дискуссия «Гуманитарная наука в Украине: проблемы, вызовы, решения», прошедшая в Киеве в январе 2013 г. по инициативе газеты «Критика».

Польский исследователь Р. Стобецкий даже выделил две ипостаси историка, характерные для модерна и соответствующие двум ипостасям истории – как науки и как государственнической работы. Это – холодный сциентист, нацеленный на поиск объективной истины, и хранитель национальных ценностей, чья исследовательская работа призвана служить благу родной страны (Stobiecki 2005: 19–21). В чистом виде эти типы практически не встречаются.

До недавних пор казалось естественным и единственно возможным представление об организации человеческого познания в рамках науки как комплекса дисциплин. Именно так организована была наука в СССР, и этот принцип был унаследован в постсоветских странах. Однако во второй половине XX в. ученые уделили много внимания тому, чтобы выделить исторические науки из корпуса «настоящих наук»: ведь на них не рас-

пространяется ряд ключевых закономерностей организации наук. Например, достойный внимания труд ученого-естественника «закрывает» тему, заполняя «белые пятна» неисследованного материала; что же касается историка или политолога, то его задача прежде всего – постановка вопроса, а не ответ на него. Чем более оживленную дискуссию рождает труд гуманитария, тем более он ценен.

Ф. Бродель, учреджая «Дом наук о человеке», попытался вывести гуманитаристику за пределы жесткого корпуса дисциплин. И сейчас миссия «Дома наук о человеке», заявленная на его сайте, предполагает, что «дисциплины, которые оказались разделены на узко направленные подразделы в соответствии с выраженными процессами специализации, должны стать более открытыми в отношении друг друга. Исторически сложилось так, что эти дисциплины были выстроены на основе категорий и объектов исследования, но их разрушение стоит на повестке дня и подталкивается доминирующими в обществе трендами». Таков способ, которым французская историческая школа (уходящая корнями в легендарные «Анналы») поддерживает реноме передового фронта мировой гуманитаристики.

Именно в междисциплинарном пространстве исследуется идентичность: на стыке социологии, политологии, истории и психологии (а еще этнополитологии, исторической антропологии, социальной философии и т. д.). Последние полвека различные исследования в междисциплинарном пространстве стали обыденностью. Все это привело к тому, что стала быстро размываться сама сетка дисциплин.

Западная гуманитарная наука в эпоху постмодерна стала являть собой уже не комплекс дисциплин, а набор подходов (структурализм, деконструктивизм, психоанализ, гендерные подходы и т. д.). Эти подходы могут быть применены для интерпретации любого материала в общественных и гуманитарных дисциплинах.

Но, как отмечает Э. Доманська, в последнее время трансдисциплинарным мостиком становятся не столько подходы и методологии, сколько проблемы: знание получает толчок к развитию в но-

вых формах. Причем «проблемы, вокруг которых идут современные гуманитарные дискуссии, демонстрируют высокий уровень комплиментарности относительно проблем, которые исследуются в точных науках» (Доманська 2012: 202). Тема идентичности – как раз одна из таких проблем, и трансформации сферы организации познания не отражаются и не могут отразиться на ней фатальным образом.

Фокусируясь на идентичности из постмодерна

Идентичность как понятие завоевала внимание гуманитариев из дискурса постмодерна: само время, когда термин вошел в оборот (1970-е гг.), можно считать его «золотым веком». Но понятие идентичности возникло скорее из необходимости описать процессы, от которых уже можно было отстраниться, абстрагироваться, результирующие которых были налицо, – то есть реалии классического модерна. Именно так и понимает задачу построения «постмодерной» теории общества Н. Луман: «в переописании современного общества на основе опыта, которым мы располагаем сегодня» (Луман 2009: 300).

В отличие от Н. Лумана, Э. Гидденс предпочитает говорить о ситуации зрелого модерна как об актуальной. Однако описанные им идентификационные практики обладают уже значительной степенью сложности и проблемности. Гидденс оговаривает их обусловленность четырьмя парами противоречий: унификация vs фрагментация, беспомощность vs присвоение, власть vs неуверенность, персонализация vs коммерциализация (Giddens 1991: 201).

Идентичность человека модерна описывается внятно, целостно и служит той точкой, отталкиваясь от которой выпукло являют себя трансформации, происходящие с человеком (и, соответственно, его идентичностью) в постмодерне. Без этой точки отсчета, вне контекста этого образца, трудно было бы найти слова для описания и понимания последовавших трансформаций. Чаще всего в этом контексте говорят о разрушении целостной идентичности, о том, что на смену ей пришла (или приходит) идентичность фрагментированная (или, как говорит украинский социолог

Е. Головаха, мозаичная). Но даже фрагментированная идентичность может быть иерархически выстроена и сведена тем самым к целостности (на что нацелены усилия модерности). Постмодерн отрицает саму возможность целостности, уравнивая ценность фрагментов.

Образность слога Ф. Анкерсмита – прекрасный способ раскрыть суть этого сдвига: «Постмодернистское исчезновение глубины уничтожает единство, которым обладало прошлое в режиме модернизма. Модернистские философы истории согласятся, что на первый взгляд прошлое – хаотический коллектор. Все же если мы проникаем ниже этой хаотической поверхности, то будем способны обнаружить глубинные структуры, которые придают прошлому единство и последовательность. Постмодернистская поверхность, однако, сбрасывает эти глубоко находящиеся слои прошлого, придающие ему единство, – и прошлая реальность распадается на несметное количество самостоятельных фрагментов» (Анкерсмит 2003: 362–363). Анкерсмит также пишет о «демократизации» исторического знания и сопутствующем явлении плюрализации истории.

Анализируя постмодернистские веяния в истории, Ф. Анкерсмит выделяет как значимый фактор обнаружение новых тем и пространств исследования. Он приводит как пример историю ментальностей. Хотя можно вспомнить историю ритуалов, страхов, запахов и т. д., что дает основания отдельным исследователям даже определять неантропоцентризм как новый тренд историописания.

Еще одно отличительное качество неклассической истории – перенос внимания на несубъектные феномены. Это происходит в более широких контекстах отторжения свойственных традиционной истории акцентов на личностном аспекте, политике и хронологии (Вжозек 2012). Более того – потрясаются такие основания исторической науки, как каузальность и линейное время. Но для разработки понятия идентичности все эти пертурбации оказались неопасны. Напротив, она только выиграла, будучи «удобной» для изучения вне необходимости соотноситься с контекстом кантианской концепции объекта и субъекта.

Лингвистический поворот постмодерна (то есть обращение к тексту, уже без надежды прорваться сквозь текст к реальности прошлого) и работы историков-нарративистов послужили переориентации истории прочь от идеалов объективной науки. В рамках нарративной концепции историографии видение идентичности сформулировал не только Ф. Анкерсмит, но и П. Рикер, который ввел понятие нарративной идентичности, проявляющейся через столкновение с текстами, собственного или чужого авторства. По мысли П. Рикера, индивиды и сообщества конституируются в идентичности, создавая и разрабатывая нарративы, которые становятся историей.

Проблематика идентичности оказалась в центре внимания психоаналитических исследований, где плодотворной стала разработка понятий «чужого» и «другого». Эти работы связаны с расширением круга идентификационных маркеров и эмпирического поля инаковости. Они в значительной мере проходили в русле исследований, которые маркируются западной наукой как “gender studies” и “postcolonial studies”.

Исследовательские подходы постмодерна хоть и бросали вызов классической, конвенциональной науке, однако вполне неплохо ужились в академических стенах, как показала практика. Этот феномен заставляет задуматься, такими ли уж революционными были эти подходы, как казалось их приверженцам в революционные 60-е гг. (на Западе) и независимые 90-е (на постсоветском пространстве). Каким бы испытанием ни был постмодерн для такой современной институции, как наука, на настоящий момент она это испытание выдержала.

Это, очевидно, можно объяснить тем фактом, что постмодерные исследования все же привязаны к наработкам модерна, даже отрицая их – в частности, на философском уровне, вычлняя аструктурность вместо структурности, принципы сингулярности вместо каузальности и так далее. В самом своем названии постмодерн не несет нового смысла, а лишь «хоронит» своего предшественника. Стоит ли удивляться, что он остается в системе координат модерна, пускай и вывернутой наизнанку?

Есть основания полагать, что по-настоящему важные, революционные перемены в «науках о человеке» и «науках о жизни вместе» еще только намечаются; условия для этого вызревают на наших глазах. Не случайно именно в последние годы в сфере гуманитаристики и общественных дисциплин все чаще «хоронят постмодерн». В частности, Э. Доманська фиксирует парадигмальный сдвиг в гуманитаристике в конце 90-х гг. XX в. Определяющими чертами этого сдвига, на ее взгляд, являются отказ от антропоцентризма и «позитивность», в отличие от «негативности» постмодернизма.

Фокусируясь на идентичности из логики потоков и глобализации

Вышедший в Украине сборник «Глобальные модерности» («Глобальні модерності») под редакцией М. Фейзерстоуна и С. Леша представляет целый спектр идей различных исследователей проблематики модерна, глобализации и места идентичности в этом процессе. Редакторы на момент создания сборника (а это 1995 г.) фиксируют парадигму глобализации как наиболее влиятельную в науках о человеке и называют ее наследницей дебатов о модерности и постмодерности. Они напоминают о провозглашенном конце истории, отсылая к пониманию государства как истории (и истории как способа идентификации граждан). В целом временной анализ (адекватный реалиям эпохи модерна) уступает анализу пространственному (инструментарием постмодерна). Он, на взгляд редакторов, наиболее соответствует исследованию процессов глобализации. Этому мнению соответствует выбор авторов и тем для сборника, хотя было бы неверно обозначить все представленные в сборнике тексты как постмодернистские.

Например, статья З. Баумана с красноречивым названием «В поисках удерживающего центра» («У пошуках центру, що тримає») оставляет как бы в стороне макропространство глобальности, сосредотачиваясь на микропространствах общностей. Реконструируя логику появления, генезис феномена идентичности, З. Бауман

приходит к выводам о перспективе сообществ как дарителей идентичности.

Тут мы, пожалуй, сталкиваемся с конструктивистским подходом, в котором модель предшествует определениям. Кстати, дать позитивную дефиницию того, что Бауман называет сообществом, он не спешит. Во всяком случае, он категорически отказывается уподоблять их «государствам в миниатюре», предпочитая говорить о «моральных общностях», причем «приобщение новообращенных к нормам, которые они проповедают, то есть рост числа приверженцев – это задача, тождественная воплощению общности в действительность» (Бауман 2008б: 218).

Сложности этого воплощения он связывает с противодействием силам, которые все еще олицетворяет государство. Ведь подобные процессы «бросают вызов утвержденному государством национальному устройству как основному обрамлению культурной идентичности» (Бауман 2008б: 217). Об этом, причем без особых сантиментов, пишет и Н. Луман в своем «Обществе общества», перечисляя целый комплекс факторов, которые лишают убедительности понятие «национальная идентичность».

Таким образом, постсоветским странам, в частности Украине, приходится обращать внимание на две противоположные тенденции – построения государства и одновременно растворения его полномочий – и иметь с ними дело.

Универсализация, предпринятая национальными государствами в отношении своих граждан, со временем оборачивается против самих государств под именем глобализации. Ареалы расселения наций перестали определять человека. Вероятно, в противовес Ф. Фукуяме с его тезисом о «конце истории» З. Бауман в работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» («Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства») указывает на «конец географии» (Он же 2008а), ссылаясь на автора этого тезиса П. Вирилью.

«Конец географии» по-своему трактует теоретик информационной эпохи М. Кастельс. Он пишет о размежевании двух пространственных логик, одна из которых связана с пространством мест, а другая – с пространством потоков. Очевидно, национальное

государство существует в пространственной логике, «но, поскольку доминирующие функции и власть в наших обществах организованы в пространстве потоков, структурное господство этой логики очень существенно меняет значение и динамику мест» (Кастельс 2000: 395–398).

Переход от мест к потокам фиксирует и Т. Люк, указывая на антииерархические, неперспективные и дезорганизационные факторы этого процесса. При этом проблема безопасности постепенно переформулируется в терминах кодирования (единство кодов, перекодирование, открытость доступа и т. д.). Причем способы кодировки становятся совершенно текучими, а их характер задают переменчивые информационные сети (Люк 2008: 147–148).

Логика потоков воплощается в жизнеспособности и активности сетевых структур. Проходя сейчас «обкатку» в виртуальном мире, сетевые структуры чем дальше, тем быстрее подчиняют реальный мир и определяют его будущее. Перенесение инноваций из виртуального пространства в «реал» существовало всегда (проигрывание в жизни литературных сюжетов – наглядный образец этого). Но именно информационная эпоха сделала данный тренд своим отличительным качеством.

В соответствии с идеей о переориентации пространственной логики М. Кастельс пишет о трансформациях идентичности в информационную эпоху, свидетелями которой мы являемся. Отныне идентичность строится не в институтах гражданского общества и не в принципах функциональности, свойственных ему. Поэтому Кастельс вслед за Бауманом говорит о реконструкции смысла на основании принципиально новой системы ценностей и убеждений.

Новые ценности, по мысли З. Баумана, будут внедряться в том числе и насильственным образом. Привилегия наделять людей своими идентичностями станет содержанием и смыслом гражданских войн, причем «шансы длительного мира кажутся призрачными». «Общности Баумана» будут отдавать предпочтение «сожжению чужих портретов, а не размышлениям о разнообразии путей человека» (Бауман 2008б: 218–219). Именно подобное размышление обнаруживает типичные мыслительные установки постмо-

дерна. Так что модель, описанная Бауманом, – это уже не пост-модернистская модель. В новых контекстах «моральных общностей» «вне географии» идентичность будет значима тоже, хотя и не так же. Рефлексия этой значимости начинается уже сегодня.

* * *

Понятие идентичности за последние десятилетия стало одной из наиболее значимых единиц социокультурного и политологического анализа. Различные организационные формы, в которых этот анализ происходит, подразумевают различные возможности и мотивы исследования: например, в модерных институтах науки идентичность исследуется в контексте задач построения государственности и гражданского общества. Однако трансформации, которые переживает институт науки (особенно гуманитарного корпуса научных дисциплин), не отражаются фатально на исследованиях идентичности – напротив, они успешно проходят в междисциплинарном пространстве, с применением постмодернистских подходов. В эпоху, когда потрясаются даже такие основания науки, как каузальность и линейное время, методологический кризис науки не отразился на исследованиях идентичности, поскольку они индифферентны к кантианской концепции объекта и субъекта, лежащей в основании науки. Более того, проблематика идентичности переориентирует острие внимания ученых в отдельных отраслях знания и, с другой стороны, играет все более активную роль в политических процессах современности, задавая параметры сообществ будущего.

Литература

Анкерсмит, Ф. Р. 2003. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-традиция.

Бауман, З.

2008а. *Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства*. Київ: Києво-Могилянська Академія.

2008б. У пошуках центру, що тримає. В: Фезерстоун, М., Леш, С., Робертсон, Р. (ред.), *Глобальні модерності* (с. 201–220). Київ: Ніка-Центр.

Вжозек, В. 2012. *Історія-культура-метафора. Про історичне мислення*. Київ: Ніка-Центр.

Гобсбаум, Е. 2010. Масове традицієтворення: Європа, 1870–1914 рр. В: Гобсбаум, Е., Рейнджер, Т. (ред.), *Винайдення традиції* (с. 303–352). Київ: Ніка-Центр.

Доманська, Е. 2012. *Історія та сучасна гуманітаристика*. Київ: Ніка-Центр.

Емар, М. 1995. Фах і покликання історії (сучасні підходи). *Філософська і соціологічна думка* 5–6: 72–84.

Кастельс, М. 2000. *Інформаційна епоха: економіка, общество и культура*. М.: ГУ-ВШЭ.

Луман, Н. 2009. *Самоописання*. М.: Логос; Гнозис.

Люк, Т. В. 2008. Новий світовий порядок. В: Фезерстоун, М., Леш, С., Робертсон, Р. (ред.), *Глобальні модерності* (с. 135–157). Київ: Ніка-Центр.

Рикер, П. 2008. *Я-сам как другой*. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры.

Фезерстоун, М., Леш, С. 2008. Глобалізація, модерність і опростовлення суспільної теорії: Вступ. В: Фезерстоун, М., Леш, С., Робертсон, Р. (ред.), *Глобальні модерності* (с. 17–47). Київ: Ніка-Центр.

Fondation Maison des sciences de l'Homme («Дом наук о человеке», Франція). URL: <http://www.msh-paris.fr/en/foundation/missions/>

Giddens, A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Stobiecki, R. 2005. Historiografia na przełomie XX i XXI wieku. Krajobraz po bitwie. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Historycznego*. Listopad (pp. 11–22).